

ПРОЩАНИЕ С ПРАВОМ И ФИЛОСОФИЕЙ: НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЭКСПЛИКАЦИИ

I. Не-утешающая философия. Вместо предисловия

Рубикон перейден! Мы уже безвозвратно оказались в той местности, где требуется совершить над собой серьезное и сознательное усилие, чтобы любое честное размышление, претендующее хотя бы на отдаленную связь с философией, не повторяло до степени смешения стилистику и пафос рассуждений «последнего римлянина»,¹ не становилось отложенным продолжением обесмертившего его имя труда. Необходимость такого усилия обусловлена не только тем, что философия должна быть рассуждением о мире, а не бегством от него, но и тем, что обреченность философского мышления, явственно обнаружившаяся сегодня, является не чем иным, как полным и точным воплощением идей традиции, идущей от платоновского жеста, о котором скорбел Бозэций. Жеста, который и вытянул жребий, уготованный миру.

Поэтому при всей увлекательности похоронных стенаний по умершему миру и философии, которая одухотворяла его, делая таким прекрасным, необходимо отгородиться от этого спектакля нижеследующими замечаниями.

Во-первых, если Платон – творец философии, то нет особого смысла горевать над участью того (философии), чьим единственным стремлением было упокоиться в неизменности. Если проблема лишь в невозможности собственными силами организовать самоубийство, то обретение спустя два с половиной тысячелетия способности обездвигнуть философию должно восприниматься с облегчением, как избавление от страданий. Поэтому требуется уточнение широко распространенному убеждению, что планетарное господство техники кладет конец философии. Действительно, в таком обездвигивающем господстве техники «необратимо исчерпываются возможности философии, то есть метафизики».² Но исчерпание возможности философии и есть цель метафизики. Сделав краеугольным камнем мира *матему* – всегда уже известное, – она стремится к «концу истории», к погружению мира в парадигму вечного круго-

* Александр Валерійович Ткаченко, кандидат юридичних наук, доцент, доцент кафедри теоретичних та приватноправових дисциплін, Київський міжнародний університет.
Oleksandr Tkachenko, Candidate of Legal Sciences, Docent, Docent at the Department of Theoretical and Private Law Disciplines of Kyiv International University.
e-mail: barrister@bigmir.net

¹ Имеется в виду Бозэций и его главное произведение «Утешение философией».

² Алан Бадью, *Манифест философии* (Санкт-Петербург: Machina, 2003), 24.

ворота того же, вечно равного себе. То, что мы наблюдаем сегодня, выступает прелюдией к ее безоговорочному триумфу.

Во-вторых, есть одно обстоятельство, которое мешает возрадоваться тому, что Идеи меняют локализацию из сферы грез великого афинянина в прагматику технической алгоритмизации. Оно суть следующее – отождествление философии и метафизики не является ни изначальным, ни необходимым. При всем, казалось бы, безраздельном господстве ориентации, которая опирается на «Идею в ее платоновском смысле, подчиняет матеме нехватку, изымание всякого присутствия и отделяет тем самым бытие от проявления, сущность от существования»;³ всегда существовала и оппозиция – софистика, организующая мышление как сопresутствие *этого конкретного слова и этой конкретной вещи*, сопresутствие, которое в истории западного мышления получило имя *поэтического*.

Перед собой я ставлю задачу отдать должное тому, что до сегодняшних дней (и канонада последних боев еще не стихла) противостояло умерщвлению мира в матеме технического. Тому, что до сих пор позволяет нам не быть обреченными на оцепенение,⁴ отличать мышление от счета и, следовательно, понимать, что «начало есть последнее».⁵ Тому, что и сегодня позволяет четко осознавать, что происходящая перемена всей жизни и целого существа *того, в ком*⁶ мысль думает, останавливает и отклоняет само мышление.

Человек проигрывает борьбу за *человеческое* существование, и даже если проигрыш был неизбежен с самого начала, он не имеет права на утешение. Он должен с достоинством принять свою судьбу. Бог, о смерти которого Ницше возвестил полтора столетия назад, в очередной раз готовится воскреснуть, уже воскресает в магических манипуляциях искусственного интеллекта. Но перед тем как самоотречением и отказом от бремени сизифового труда познания доброго и злого искупить первородный грех и преступить врата вновь обретенного «рая», который, правда, с огромной вероятностью будет походить на концлагерь, человек (еще человек!) должен обернуться и ответить на два вопроса: 1. Что в нем собственного – человеческого? и 2. Как философия-софистика влияет на способность человека быть самим собой – собственным?

Автор исходит из гипотезы, что связь человека и философии нуждается в посреднике и таким посредником, который на протяжении последних более чем двух тысячелетий обеспечивал принадлежность человека поэтическому истоку его существа, было право.

³ Бадью, *Манифест философии* (Санкт-Петербург: Machina, 2003), 81.

⁴ Здесь уместны слова М. Хайдеггера: «человек оцепенело смотрит на то, что давно наступило, совершившись как нечто такое, что уже лишь в качестве своего последнего извержения извергает из себя атомную бомбу с ее взрывом». Мартин Хайдеггер, «Вещь», в *Время и бытие*, ред. и пер. Владимира Библихина (Москва: Республика, 1993), 316. А если в этой фразе взрыв атомной бомбы заменить на еще только открывающиеся перспективы искусственного интеллекта, то характеристика современности будет исчерпывающей.

⁵ Мартин Хайдеггер, *Парменид*, пер. А. Шурбелева (Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2009), 15.

⁶ Речь о теле, телесности человеческого существования.

Оно укрывало человека от всепоглощающего влияния метафизики. И лишь завершение последней исчерпывает право, а с ним – и возможность поэтического (софистического) речения.

Интенции данного исследования являют собою попытку дискурсивизации места права в противостоянии метафизической и неметафизической традиций философского мышления, а также перспектив его соотношения с формирующейся технологической цивилизацией, воплощающей в себе конститутанты проекта европейской метафизики.

Нижеследующее изложение будет попыткой продемонстрировать, что: 1. Бытие присваивает человека посредством права. 2. Складывающийся сегодня тип технической цивилизации не может иметь соответствующего ему правового пространства. 3. Несовместимость права и техники знаменует собой поражение и устранение возможности философии-как-софистики.

II. Метафизика: преодоленная дихотомия

Расщепленность философии на метафизику и софистику выступает двумя расходящимися из одной точки ориентациями мышления. Признанной является концептуализация этой «точки сингулярности» – «большого взрыва» философии – путем составления перечня вопросов, захваченность которыми и наделяет мысль статусом философии. Не находя оснований порывать с этой традицией, я отдаю предпочтение не кантианскому, а хайдеггерянскому регистру вопросов (в свое оправдание автор может указать на то значение, которое придается путям мышления, намеченным М. Хайдеггером в данном исследовании):

Что нам следует делать?

Кто мы *есть*?

Почему мы должны *быть*?

Что есть сущее?

Почему свершается бытие?

Из этих вопросов снизу вверх в их единстве и состоит философствование.⁷

Таким образом, метафизика и софистика выступают отличными друг от друга ответами на одни и те же вопросы. Причем такие ответы, несмотря на все свое содержательное многообразие, приобретают парадигмальные контуры, которые и позволяют говорить о вышеуказанном противостоянии. Такие контуры задаются формализацией конструкции сравнения и ее использования для решения проблемы понимания сущности человека.

Принципиально подчеркнуть, что вопрос о сущности человека всегда основывается на уже решенной проблеме природы сравнения, является производным от такого ре-

---

⁷ Мартин Хайдеггер, *Размышления II–IV (Черные тетради 1931–1938)*, пер. А. Григорьева (Москва: Изд-во Института Гайдара, 2016), 11.

шения.⁸ Вопрос сравнения – это вопрос о *tertium comparationis*, о том, как нечто третье может поставить двоих в отношении друг к другу, и о том, как это третье может создать значимость не только для одного.

Метафизика – это пирамидальная конструкция сравнения, где первым именем *tertium comparationis* стала Идея как нечто существующее (сущее), что является общим для всех, несмотря на любые отличия, присутствующие между людьми в мире. Пирамида с *tertium comparationis* на вершине обусловила определение человека как зрителя, стоящего перед миром, который ему предъявлен как картина.⁹ Для метафизики *tertium comparationis* выступает значением, которое более ценно, чем материальное присутствие (вещь), в котором это значение можно увидеть. Метафизика выступает способом смотрения, «которое устремлено “дальше” (или “глубже”) всего “физического”».¹⁰

Идеи, эти матемы смысла, требуют быть увиденными человеком, а это выдвигает требования к его преобразованию. Онтологии – отделению значения от присутствия – должны соответствовать этика и антропология. Заслуживает внимания позиция К. Романо:

вытеснение события на окраины философии является, стало быть, не столько признаком его строптивного характера по отношению к всеобщности логоса, сколько следствием этического и антропологического идеала, которому событие угрожает и во имя которого оно должно быть устранено.¹¹

Я не согласен с французским философом относительно распределения ролей в связке «причина-следствие»: Идеи требуют определенного человека как свое следствие, а не наоборот. Но более важным выступает именно указание на основоположение метафизики как на вытеснение и устранение события. Под вытеснением события (всего нового, случайного, неподотчетного) в контексте данного исследования я понимаю освобождение Идеи / значения от присутствия / вещи. Причем для того, чтобы такое освобождение состоялось, оно должно произойти в человеке: во-первых, разделив его существо, во-вторых, противопоставив две выделенные половины, в-третьих, подчинив одну половину другой и, в-четвертых, уничтожив подчиненную половину как угрозу метафизике.

⁸ На это обстоятельство, насколько мне известно, впервые указал М. Хайдеггер. В первую очередь с этим я и связываю исключительное значение его философии. Так, по словам немецкого мыслителя, Платон, который является основоположником метафизической традиции, «хватается за сравнение там, где он наталкивается на самый крайний предел философского вопрошания, т. е. начало и исток философии». Мартин Хайдеггер, *Основные проблемы феноменологии*, пер. А. Чернякова (Санкт-Петербург: ВРФШ, 2001), 377.

⁹ Наиболее полно такое понимание воплощено в платоновской «Притче о пещере» из десятой книги диалога «Государство».

¹⁰ Ханс Ульрих Гумбрехт, *Производство присутствия: Чего не может передать значение*, пер. С. Зенкина (Москва: Новое литературное обозрение, 2006), 11.

¹¹ Клод Романо, *Авантюра времени*, пер. Руслана Лошакова (Москва: РИПОЛ классик, 2017), 46.

Метафизика, и в этом К. Романо абсолютно прав, невозможна без своего идеала человека. Такой идеал начинается с противопоставления телесного (ограниченного миром вещей) и нетелесного (способного соединиться с миром Идей) в человеке. Кульминацией этой дихотомии человека выступает картезианское убеждение, что «душа познаваема легче, чем тело, и поэтому субъект по праву предшествует объекту, всецело определяя его явление в силу своей наивысшей достоверности».¹²

Не сложно догадаться, что душа выступает субъектом, а тело – объектом. Важно еще раз подчеркнуть – нетелесное (душа) изначально запрограммировано на устранение телесности. Человек не просто больше тела. Тело случайно и тленно,¹³ и то, что оно временит, не просто делает его низшим в дуальной связке с душой. Тело – не просто грязь, оно мешает душе.¹⁴ Скрывая душу, тело не дает ей исполнить свое космическое предназначение. Поэтому человек не просто может, но и должен быть определен как освобожденный от тела. Бестелесный человек не становится меньшим, наоборот, отрекаясь от тела, он ничего не теряет, а лишь приобретает. Поэтому для метафизики человек, «эксцентрически размещенный по отношению к миру, есть чисто интеллектуальное, бестелесное существо, единственной функцией которого является наблюдение за миром, а для этой функции достаточно чисто познавательных способностей».¹⁵

Из изобретенной метафизикой дихотомии души и тела произросла вся эпистемологическая структура субъект-объектной парадигмы, которая претендовала на полный охват и исчерпание в себе всего существующего. Но, так как эта дихотомия была сконструирована метафизикой для ее преодоления на полюсе души – нетелесного, а значит, и неизменного, есть все основания согласиться с К. Свасьяном: «проклятия в адрес собственного тела трансформировались в мышление, оборачиваясь проклятиями в адрес природы».¹⁶

Метафизика не просто превращает человека в познающую машину, она еще и воспринимает познание как проклятие в адрес своего тела, а через него и всего мира, который, очевидно, в силу несоответствия идеальному порядку концлагеря, подлежит уничтожению. Поэтому, как бы не стремилась метафизика в своем самообмане утверждать обратное, в ее основе лежит не математическая чистота разума, а очень сильное чувство. К глубочайшему сожалению, последние несколько столетий с убедительностью

¹² Романо, *Авантюра времени*, 49–50.

¹³ Именно этим и обусловлена его связь с событием.

¹⁴ Этот канон метафизики тонко и с иронией описывает В. Бибихин: «кошке тело не помеха, а человеку помеха. Его разуму мешают страсти тела. Чистой мысли мешает плотская оболочка. Тело портит, грязнит, делает грубым. Не кошку: тело кошки не губит идею кошки; но тело человека губит тонкую идею человека». Владимир Бибихин, *Язык философии* (Москва: Языки славянской культуры, 2002), 312.

¹⁵ Гумбрехт, *Производство присутствия*, 37.

¹⁶ Карен Свасьян, *Становление европейской науки* (Москва: Evidentis, 2002), 337.

доказывают, что проклятия и ненависть к себе и миру значительно больше способствуют делу познания, чем, к примеру, любовь.¹⁷

Выдвигая свои обвинения Западу, О. Шпенглер главным считал то, что Запад – это культура прямых линий:

Культура Запада начинает с прямого-идеального-математического, а не с самих вещей и людей в их живой кривизне. Она потому антиприродна. Прямая – это выражение свойственного западной культуре стремления достичь всего, что хочется, кратчайшим путем и в кратчайшие сроки.¹⁸

Полностью разделяя пафос высказываний О. Шпенглера, следует отметить, что метафизика – это выдуманное разделение телесного и духовного с тем, чтобы вся история представляла собой преодоление этой дихотомии, а неизбежное окончание истории служило полной победой над вещественным в его уничтожении. Для меня очевидно, что это лживый и дефектный идеал человека и мира. В этой связи трудно подобрать лучшие слова, которые бы характеризовали современность, нежели сказанные Ю. Харари: «если начать с дефектного идеала, часто его дефекты проявляются только тогда, когда идеал будет близок к реализации».¹⁹

III. Право: софистическое убежище философии

Метафизика в указанном выше значении безраздельно господствовала в западной философии, определяя ее темы, методологию и траекторию развития. Ее владычеству не угрожали даже самые фундаментальные преобразования в исторической судьбе Запада: ни замещение христианской теологией античного мировоззрения, ни замещения первой новоевропейской картиной мира. Исходя из этого, можно предположить, что как все подобные, так и менее значительные, революционные преобразования на деле оказываются поступательным, подчиненным своей логике и неизбежным развитием самого метафизического проекта.

Неметафизическое мышление, которое отрицает дихотомию тела и души, отказываясь от забвения человеческого тела и устранения пространства, на уровне философских концепций, пребывало в абсолютно маргинальном положении, будто бы ожидая своего времени – философа времени, который сможет вернуться за «платоновский жест» и пробудить поверженное метафизикой поэтическое мышление. Таким мыслителем стал М. Хайдеггер, который не просто отверг отправной пункт метафизики – различие субъекта и объекта, но и предложил ему альтернативу в виде концепции «бытия-

¹⁷ Вспомним этимологию слова «философия». Исходя лишь из этого, уже достаточно оснований поставить под сомнение какую-либо связь метафизики с философией. Скорее, они противоположны друг другу.

¹⁸ Отто Пёггелер, *Новые пути с Хайдеггером*, пер. А. Перцева, О. Матвейчева (Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2019), 28.

¹⁹ Юваль Ной Харари, *Ното Deus. За лаштунками майбутнього*, пер. Олександра Дем'янчука (Київ: BookChef, 2018), 87.

в-мире», которая и была призвана «восстановить контакт между человеческим самоопределением и вещественным миром».²⁰

Одним из главных тезисов этой статьи выступает утверждение, что, будучи отвергнутым и преданным забвению философией, неметафизическое мышление стало истоком и определяющим на протяжении всей его истории принципом для другой интеллектуальности, которая до последнего времени беззаветно и под усиливающийся внешний гул насмешек и презрения хранила ему верность – этой интеллектуальностью стало право. В то время как философия увлеклась состязанием между теми, кто придумает более эффективный способ для интеллекта умерщвления тела и отторжения духа от вещи, право и построило себя на фундаменте наитеснейшей связи с вещью, выводя из этой связи как из истока все свои мыслительные построения.

С точки зрения права, главной заслугой М. Хайдеггера является то, что он эксплицировал – ввел в словесную ткань философского дискурса – то мироощущение, которое для юристов было имплицитным ремеслом.²¹ При этом он сделал это без обращения к праву, а путем титанических усилий по разбору метафизических завалов и проникновению в самый исток западного мышления. Более того, М. Хайдеггер, казалось бы, однозначно указывал, что «с момента своего сущностного начала римское познание и мышление, устройство и расширение, созидание и действие никогда не совершают своего движения в сфере алетей и ψεύδος».²² Однако в этом вопросе немецкий философ был не до конца последовательным. Он также утверждал, что «то, о чем идет речь, римляне называют *res*; значит по-гречески: говорить о чем-либо, совещаться об этом; *respublica* означает не «государство», а то, что заведомо касается каждого в народе, «захватывает» его и потому становится делом общественного обсуждения».²³ И следовательно, «слово *res* у римлян именуется то, что задевает людей, обстоятельство, спорный случай, казус».²⁴ Общим местом является признание казуистичности мышления

²⁰ Гумбрехт, *Производство присутствия*, 10.

²¹ Право – это *ars*, а не *scientia*. В этой связи полностью разделяю суждение: «то, что поэт слышит и затем выражает в слове, ремесленник-творец слышит и затем выражает в вещи. Это – штучная вещь, которая всегда есть материальное послание кому-то с выражением безразличия-заботы». Пёггелер, *Новые пути*, 26. Право и возникает как искусство создания таких «штучных вещей-посланий», ими были *intentio* преторских формул. В этом вопросе право не знает развития и какого-либо вообще движения – правом и сейчас может считаться лишь то, что выступает эпистемологическим эквивалентом формул римских преторов.

²² Хайдеггер, *Парменид*, 96.

²³ Хайдеггер, «Вещь», 321.

²⁴ Там же, 322. Такое понимание вещи как того, что побуждает к обсуждению, позволяет утверждать, что римское правовое начало не в меньшей степени воплощает софистический идеал философии, чем собственно греческая доплатоновская мысль. Подтверждением этого могут быть и слова, вложенные Фукидидом в уста Перикла, произнесенные в речи, которая может рассматриваться как манифест Запада: «мы сами обсуждаем наши действия или стараемся правильно ценить их, не считая речей чем-то вредным для дела; больше вреда, по нашему мнению, происходит от того, если приступать к исполнению необходимого дела без предварительного обсуждения его в речи». Фукидид, *Из речи Перикла над телами воинов*, пер. Ф. Мищенко, С. Жебелева, http://www.lib.ru/POEAST/FUKIDID/fukidid1_1.txt.

римских юристов.²⁵ Понятия римского права были привязаны к определенным юридическим ситуациям.²⁶ Понятия в римском мышлении не выполняли роль наиболее абстрактного представления, заменяющего собой все многообразие жизненных форм и отношений. Римские юристы остались независимыми от основного изобретения Платона, положившего начало европейской метафизики, – греческого понятия. Римское понятие было принципиально идиосинкратическим. Отличие римского понятия от греческого является настолько фундаментальным, что между ними практически нет ничего общего. Это дало Г. Берману основание утверждать, что «в римском праве отсутствовало не определение понятия, но “понятие понятия”».²⁷

Дальнейшее изложение я посвящаю не порицанию Хайдеггера за поверхностное суждение о римском мире, в котором нашлось место и неметафизическому мышлению, созвучному истине как непотаенности, а лишь указанию на то, что право в его сущностном истоке не только не противоречит фундаментальным положениям философии Хайдеггера, но и выступает их едва ли не гранично-возможным претворением в жизнь.

Согласен с О. Цендровским, что базовым постулатом философии Хайдеггера выступает утверждение: «бытия не бывает без сущего, сущего не бывает без бытия».²⁸ Именно эта связь обуславливает и особый, отличный от метафизического, образ человека как пребывающего в нераздельном и целостном взаимоотношении с вещами. Задачей философии оказывается понимание того единого способа, «каким те или иные вещи оказываются “подручными” и “сподручными”, то есть связанными с рукой, и каким тот или иной человек в своем поведении, то есть как действующий рукой, руко-действующий, оказывается в отношении к подручному».²⁹

В праве нераздельность и целостность взаимоотношения человека и вещи воплощаются в праве собственности. Человек может быть собственником, обретая качество лица и собственную жизненную траекторию, лишь если он поставит себя в отношение к вещи. Непосредственность такого отношения получило название владения. Право собственности возможно лишь на материальные вещи, которые доступны физическому господству – влиянию на тело собственника.³⁰ Любые попытки отделить волю собственника (*animus*) от физического контакта с вещью (*corpus*)³¹ приводят к хаосу

²⁵ О казусе в римском праве, в частности, см.: Мануэль Хесус Гарсия Гарридо, *Римское частное право: казусы, иски, институты* (Москва: Статут, 2005), 101–12.

²⁶ Илона Бекленищева, *Гражданско-правовой договор: классическая традиция и современные тенденции* (Москва: Статут, 2006), 26.

²⁷ Harold Berman, *Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition* (Boston: Harvard University Press, 1983), 149.

²⁸ Олег Цендровский, “Понятие бытия (*Sein*) в философии М. Хайдеггера и её методологические особенности,” *Философская мысль* 9 (2016), https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19068.

²⁹ Хайдеггер, *Парменид*, 185.

³⁰ Тело владения (*corpus possessionis*) является продолжением, пространственным расширением тела собственника.

³¹ Примечательно, что попытки обретения волей самостоятельности от физического контакта с вещью восходят к греческому праву, которое оказывало значительное влияние на

и массовым нарушениям. Наиболее ярким является казус добросовестного приобретения собственности от неуправомоченного отчуждателя. Если я отдаю свою вещь арендатору (переношу на него *corpus*, оставляя за собой лишь *animus*), я подвергаю свое право собственности опасности – если арендатор продаст мою вещь, я могу утратить свое право. Одна лишь воля собственника не в состоянии предотвратить такую утрату. Примечательно, что в немецком праве этот принцип именуется *Hand wahre Hand*.³² Дословный перевод – «рука за руку отвечает». Если я своей рукой телесно отторгаю от себя вещь, передавая ее другому, действия с вещью этого другого рассматриваются как продолжение моей (собственника) руки. И этот принцип не колеблет очевидное несовпадение моей воли действиям моего арендатора («его руки»). Приоритет отдается «руке» того, кто ближе к вещи, а не простой воле, лишенной непосредственного контакта с вещью («руки»). Поэтому цивилистика сопротивляется отторжению владения от собственности.³³

Этим же обуславливается и признанная фиктивность права собственности на так называемые «бестелесные вещи» (имущественные права).³⁴ Оно вводится по утилитарным соображениям законодателем и существует исключительно как импера-

---

постклассическое римское право, способствуя его извращению и вульгаризации. Константин Скловский, “Политические и юридические аспекты теории дара,” *Politeia* 94, no. 3 (2019): 76. Принципиально отметить, что это идет вразрез с указанным выше утверждением Хайдеггера, поскольку оказывается, что именно классическая римская мысль была размышлением о присутствии, а греческое влияние способствовало отторжению значения от присутствия, что, собственно, и является «эффектом метафизики».

³² Институту приобретения права собственности от неуправомоченного отчуждателя посвящена статья 330 Гражданского кодекса Украины. О проблематике этого института, в частности, см.: Иван Трепицин, *Приобретение движимостей в собственность от лиц, не имеющих права на их отчуждение* (Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1907); Борис Черепакхин, “Юридическая природа и обоснование приобретения права собственности от неуправомоченного отчуждателя,” в *Избранные труды*, ред. Сергей Алексеев (Москва: Статут, 2001), 225–80.

³³ Наиболее иллюстративны тут непреодолимые трудности, которые влечет французский принцип «*solo consensu*» – приобретение права собственности в силу одного лишь соглашения, без передачи вещи покупателю. Такое право собственности, основанное лишь на воле, по признанию самой французской цивилистики, является относительным, действующим лишь против продавца, который, отчуждив вещь третьему лицу до передачи ее покупателю, с легкостью может прекратить такое сугубо «спиритуалистическое», а следовательно, и иллюзорное, право собственности. Об этой проблеме см. подр.: Владимир Слыщенко, *Договор купли-продажи и переход права собственности: сравнительно-правовое исследование* (Москва: Статут, 2011). Другим примером может быть невозможность обеспечения транслятивного эффекта (переноса права собственности на контрагента) путем так называемой «цессии виндикации» – если моя вещь находится у незаконного владельца, я не могу распоряжаться ею. «Бестелесность» моей воли (вещь находится в самостоятельном владении другого лица) парализует ее распорядительные возможности. Подробнее об этой проблеме см.: Константин Скловский, “О праве на отчуждение имущества без передачи владения,” *Хозяйство и право* 8 (2003): 116–22; Дмитрий Лоренц, “Цессия виндикационного притязания,” *Современное право* 9 (2009): 70–4.

³⁴ Об этом, в частности, см.: Александр Латыев, “Вещные права в гражданском праве: понятие и особенности правового режима” (дис. кандидата наук, Уральская государственная юридическая академия, 2004), 11–35; Світлана Шимон, “Res incorporeales в римському приватному праві та сучасне бачення безтілесної речі,” *Економіка і право* 19 (2012): 219–25.

тивная норма позитивного права. Поэтому очевидно, что право собственности на вещи и право собственности на права характеризуются принципиально отличными онтологическими режимами.

Непреложным фактом в цивилистике является то, что право собственности возможно лишь на индивидуально-определенные вещи. Как говорил С. Франк,

вещи и вообще средства существования совсем не только механические средства, безразличные, заменимые части внешнего мира, с которым мы случайно и равнодушно соприкасаемся, а любимые индивидуальности и части или продолжения нашей собственной личности...³⁵

Несложно предположить, что качества человека как индивидуальности онтологически формируются именно возможностью обладания индивидуальными вещами. Индивидуальность как черта вещей конвертируется в индивидуальность как качество человека-личности.

В этом контексте и следует понимать утверждение, что «ремесленно сработанная вещь была доступом к бытию».³⁶ Созданная человеком, будучи продолжением его руки, она приобретает индивидуальные черты. Обладание такими вещами-посланиями и создает предпосылки для личностной истории их собственника. И поскольку существует корреляция между образом человека и образом права³⁷ – образом правового человека выступает собственник.³⁸

Для экспликации философского статуса права фундирующее значение имеет вывод, который М. Хайдеггер делает из положения: «Dasein понимает себя ближайшим образом и по преимуществу из вещей; заодно здесь понято также вот-бытие-рядом других».³⁹ Из этого следует утверждение об онтологическом устройении Dasein,

состоящего в том, что оно вообще есть ради самого себя. Только потому, что Dasein так устроено, оно может быть-рядом с другим Dasein, и только поэтому некое другое Dasein, для которого, в свою очередь, дело идет о его бытии, может вступить в экзистентное по своей сути отношение с тем, кто для него – другой.⁴⁰

³⁵ Семён Франк, «Собственность и социализм», http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame-rightn.pl?type=ru&links=./ru/frank/works/frank_w1.txt&name=frank&img=brief.gif.

³⁶ Пёггелер, *Новые пути*, 44.

³⁷ Сергей Максимов, *Правовая реальность: опыт философского осмысления* (Харьков: Право, 2002), 192.

³⁸ Развертывание смысла этого постулата возможно путем обращения к высказыванию М. Хайдеггера: «Dasein, в соответствии со своим собственным способом быть (в соответствии с трансценденцией) уже – снаружи, т. е. – при другом сущем, а это значит – всегда при самом себе» (Хайдеггер, *Основные проблемы феноменологии*, 399–400). Собственность как обладание вещами открывает для человека возможность трансцендирующего существования, а значит, лишь она способна открыть для человека его собственное, истинное существование, одарить его способностью «быть всегда при самом себе».

³⁹ Хайдеггер, *Основные проблемы феноменологии*, 393.

⁴⁰ Там же.

Поэтому невозможно согласиться с утверждением К. Скловского, что источник происхождения свободной воли находится в сделке.⁴¹ Сделка не является онтологически первичной, она производна от собственности. Только собственник может стать стороной сделки (встать рядом с другим), и лишь потому, что только бытийное устройство собственника позволяет человеку экзистировать ради самого себя – быть собственным в смысле самопринадлежности. Производность, вторичность сделки по отношению к собственности позволяет понять смысл разграничения вещного и обязательственного права, наполнить это разграничение онтологическими коннотациями.

Исходя из этого, право собственности может пониматься как дискурс «производства присутствия», как это понятие понимает Х. Гумбрехт.⁴² Это заставляет сделать оговорку относительно суждения Ю. Харари: «вера в то, что люди имеют бессметную душу, тогда как животные – лишь недолговечное тело – стержень нашей законодательной, политической и экономической системы».⁴³ С этим можно согласиться, но лишь при условии, что мы в этот список не включаем право, которое в самом своем истоке не предполагает элиминацию вещественного, а, наоборот, усиливает его влияние на человеческую жизнь.

Право собственности – квинтэссенция права – выступает посредником между человеком и вещью, таким посредником, который и наделяет человека собственным достоинством. Любые попытки обосновать солипсизм – непосредственность и замкнутость человеческого существа на себя, без связи с вещами, оборачивается отрицанием человека. Для понимания собственности как сути права важным выступает то, что «все непосредственное уже заведомо оказывается производным. Все начинается с посредника, и именно это оказывается “непостижимым для разума”».⁴⁴

Собственность как веществование права определяет его софистическую природу. Это обусловлено связью вещи и слова. Право возникает как дискурс рукодействия – нахождения себя в связи с вещами. А согласно Хайдеггеру, «рука появляется только из слова и вместе со словом. Не человек “имеет” руки, но рука вбирает в себя сущность человека, потому что только будучи сущностной сферой действия руки слово является сущностной основой человека».⁴⁵

Право собственности как дискурс рукодействия имплицитно содержит следующие две конституанты неметафизической философии.

Во-первых, только в отношении собственника к своей вещи возможно онтологическое различие. Намек на него можно увидеть в отличии отношения к вещи собствен-

⁴¹ Скловский, “Политические и юридические аспекты,” 70.

⁴² «Под “производством присутствия” понимаются всякого рода события и процессы, вызывающие или усиливающие воздействие “присутствующих” объектов на человеческие тела». Гумбрехт, *Производство присутствия*, 10.

⁴³ Харари, *Ното Deus*, 128.

⁴⁴ Цендровский, “Понятие бытия.”

⁴⁵ Хайдеггер, *Парменид*, 177.

ника и других лиц, которым она была передана собственником во временное владение и/или пользование.

Суть этого отличия, по словам К. Скловского, состоит в том, что «права держателя или арендатора могут быть перечислены, а собственника – нет».⁴⁶ Собственность – это не количественное превышение прав любого другого лица на вещь, в ней содержится качественно отличная полнота, не поддающаяся количественному (математическому) исчислению. Все права подлежат позитивной верификации, являются принудительно типизированными (законом, если это права вещные, либо договором, если это права обязательственные). И лишь право собственности не может быть сосчитано, верифицируется лишь негативно – не через указание на дозволенные действия, а через установленные законом конкретные запреты.

Все другие лица относятся к вещи сугубо утилитарно, как к средству удовлетворения конкретных потребностей. Собственность поэтому и выступает пространственным расширением человека, что лишь собственник может не потреблять вещь, относясь к ней как к себе (или, что более точно, лишь через свои вещи впервые становясь в отношении к себе самому – собственному).⁴⁷ Превышающая любую другую степень близость собственника к вещи, возможность непосредственного (без необходимости вступать в отношения с другими лицами) контакта с нею, создает качество непредзаданности конкретного содержания собственности, возможности его постоянного расширения и изменения.

Близость собственника к вещи и вводит человека в «просвет бытия», в ситуацию нового, априорно не заданного и непредрежденного смысла, в то, что Хайдеггер называл вот-бытие (*Dasein*). Собственность создает для человека простор, в котором он «вот-здесь для себя, в котором другие есть вот-рядом, в направлении которого (этого “вот”) выходят навстречу подручное и наличное».⁴⁸ Собственные (подручные, т. е. не просто составляющие одно целое с рукой человека, но и создающие для него «руку» в фундаментально-онтологическом смысле) вещи конституируют экзистенцию – различие бытия и сущего. Собственная вещь перестает быть замкнутым в себе сущим, поскольку она подручная человеку, который благодаря этой вещи получает возможность выйти за предел, заданный сущим (предсуществующим смыслом). Собственность, в отличие от любого другого, опосредованного, отношения к вещи, не ставит человека в зависимость от вещи и другого человека, а наоборот, создает свободу – собственную судьбу, пригодную для того, «чтобы перерасти душу животного и стать душой человека».⁴⁹

Только собственность формирует человеческое бытие как выдвинутость в Ничто, заранее (по самой своей сути) уже выступает за пределы сущего в целом (т. е. за гори-

⁴⁶ Константин Скловский, *Собственность в гражданском праве* (Москва: Дело, 1999), 126.

⁴⁷ Поэтому абсолютно соглашаюсь с утверждением, что «абсурдом является само предположение, что права, созданные собственником иным лицам, – это те же права, которыми обладал и сам собственник». Скловский, *Собственность*, 128.

⁴⁸ Хайдеггер, *Основные проблемы феноменологии*, 399.

⁴⁹ Там же, 424.

зонт всех других возможных прав на вещь), и, следовательно, эффект собственности для человеческого существования – это трансценденция. Собственность – это отношение к вещи, то «между», которое происходит (сбывается) между человеком и его вещью, и в таком «между» она хранит истину человеческого существования.⁵⁰ Только в непосредственном отношении к собственным вещам проявляется отчуждающая странность сущего – просвет Ничто сквозь вещь.⁵¹

Таким образом, присвоение вещей собственником оказывается принадлежностью бытию. Присваивая вещь, человек присваивается бытием в свое истинное предназначение как открытого простора экзистенции. «Das Seyn ist das Eigeignis» – «Бытие есть при-своение».⁵²

Во-вторых, поскольку право возникает из связи с вещью, связи, в которую врывается ничтожащая мощь бытия, право становится гетерономным. Как прекрасно сказал П. Легран, «право приходит от другого – от другого в тексте, и от другого, которое больше и древнее, чем текст».⁵³ Именно собственность и все, что на ней надстраивается (прежде всего – сделки-обязательства), претворяют жизнь в такое сущее, «которое есть потому, что оно может быть другим».⁵⁴ Собственность радикализирует идею онтологической подвижности человеческого бытия.

Собственность препятствует тождественности человека и его существования, и в этом смысле она предполагает постижение многообразия способов бытия как внутренне присущее самой собственности качество. В качестве такого продуцента многообразия собственность предполагает право исключительно как софистический дискурс. Собственность не просто созвучна софистике, а есть ею, поскольку последняя «определяет отношение человека к сущему, есть лишь подчеркнутое ограничение непотаенности сущего *разным для каждого* кругом внутримирового опыта»⁵⁵ (выделено мною. – А. Т.).

Эффект права, пристекающего из собственности, – это эффект множественности мира, пронизанного тканью различий. Именно это качество права оказывается первым, с которым сталкиваются. Оно четко отграничивает право как от науки в целом, так и от

⁵⁰ «Истина не налична среди вещей, однако она и не “случается” в некотором субъекте, но лежит, и это следует понимать дословно, посредине, “между” вещами и Dasein» (Хайдеггер, *Основные проблемы феноменологии*, 282).

⁵¹ «Сущее – или возможность нашего обращения с сущим, что для Хайдеггера то же самое, – покоится на Ничто как на своем наипредельнейшем основании» (Вячеслав Фаритов, “Трансгрессия и трансценденция как перспективы времени и бытия в философии М. Хайдеггера и Ф. Ницше,” *Философская мысль* 8 (2014), https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=13371).

⁵² Цендровский, “Понятие бытия.”

⁵³ Pierre Legrand, “Foreign Law: Understanding Understanding,” *Journal of comparative law* 6, no. 2 (2011): 78.

⁵⁴ Мартин Хайдеггер, *Феноменологические интерпретации Аристотеля. (Экспозиция герменевтической ситуации)* (Санкт-Петербург: «Гуманитарная Академия», 2012), 137.

⁵⁵ Мартин Хайдеггер, “Европейский нигилизм,” в *Время и бытие*, ред. и пер. Владимира Бибикина (Москва: Республика, 1993), 117.

отдельных ее дисциплин. Это же качество права вызывает наиболее непонимания, отвращения и презрения к нему со стороны всех, кто стремится погрузить мир в саркофаг универсального и самотождественного.⁵⁶

IV. «Век поэтов» действительно завершен

История идей пестрит множеством мыслительных экспериментов и спекуляций апокалиптического толка. Не горю желанием продолжить эту славную традицию и впадать в пророчества. Лишь подчеркну принципиальную разницу интонаций. Я не говорю о том, что право исчезнет в будущем ввиду какой-либо катастрофы.⁵⁷ Неуместно говорить об этом в будущем времени – то, что приведет к иссушению истока права, уже существует, а потому «конец истории» в сущностном смысле уже наступил. Все происходящие – это лишь последствия. Повторюсь – Рубикон перейден!

При этом речь не идет о каком-либо опровержении права. Его конец не является дискурсивным – не выступает усилием мысли, воплощенным в слове. Конец права – это прерывание разговора. Право просто становится неуместным и невозможным. Причем такие неуместность и невозможность вряд ли даже предполагают вербализацию.⁵⁸ Можно лишь повторить вслед за А. Бадью: «едва ли возможна другая фундаментальная критика Хайдеггера, кроме следующей: век поэтов завершен».⁵⁹ А поскольку эффект софистики (он же, как указано выше, – эффект права) – это эффект мира,⁶⁰ укажем, какой он «новый дивный мир», который не приемлет права, как, впрочем, и наоборот (последнее даже важнее).

⁵⁶ Для меня кредо такого антиправового универсализма воплощено в следующем высказывании: «Не существует больше немецкой физики, бельгийской химии или американской медицины. Благодаря интернационализации этих наук их национальная принадлежность выражается главным образом лишь в констатации того, насколько существенны достижения различных стран в каждой из них. Как ни странно, по-другому происходит с правовой наукой» (Конрад Цвайгерт и Хейн Кётц, *Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права*: том 1, пер. Ю. Юмашева (Москва: Междунар. отношения, 2000), 27).

⁵⁷ Кстати, такая катастрофа, скорее, могла бы способствовать его сохранению. Ее можно было бы истолковать как вмешательство бога, который, согласно известному афоризму М. Хайдеггера, только еще и может нас спасти.

⁵⁸ Как прекрасно отмечает Б. Кассен, «опровержение софистики, какого она вправе для себя ожидать, требует опровержения логоса, заключенного в звуках голоса и в словах; но, признает Аристотель, такое опровержение в точном и буквальном смысле “невозможно”, потому что всегда возможно “говорить” противоположности и полагать, что де-факто всякий раз, когда они высказываются, они высказываются совершенно чистосердечно. В итоге невозможности говорить противоположные вещи ничуть не больше после опровержения, чем до него» (Барбара Кассен, *Эффект софистики*, пер. Л. Россиуса (Москва, Санкт-Петербург: Московский философский фонд; Университетская книга; Культурная инициатива, 2000), <http://poisk-istini.com/literatura/effekt-sofistiki-barbara-kassen>). Последнее предложение приведенного фрагмента является ключевым. Так как опровержение не устраняет софистику, нужно просто сделать невозможным как опровержения, так и утверждения – обездвижить язык и перекрыть доступ к дискурсу.

⁵⁹ Бадью, *Манифест*, 44.

⁶⁰ Кассен, *Эффект софистики*.

А. Стомба предлагает такой мыслительный эксперимент:

Представим, что какая-то глобальная катастрофа уничтожила все материальные носители права – своды законов, кодексы, интернет-сайты, электронные базы данных, сборники судебной практики... Будет ли это означать, что исчезло само право? Означает ли это, что можно будет безнаказанно совершать убийства, грабить, нарушать договоры? Очевидно, что нет. Однако как же будет существовать в таком случае право? Говоря философским языком, существует ли право до и кроме законодательства, и если существует, какая его структура и способ бытия?⁶¹

Представляется, что ситуация выглядит ровным образом наоборот – все перечисленные материальные формы остаются в неприкосновенности, а право исчезает без возможности возродиться. Эти материальные формы никогда больше не смогут выражать право, причем безотносительно от их содержания и этической оценки. Почему? Этот принципиальный вопрос и требует хотя бы краткого изложения.

Современная литература наполнена описаниями последствий технологической революции и революции искусственного интеллекта. Нет сомнений, что речь идет именно о «замене нейронных сетей умными программами»;⁶² о всеобщей и всеохватывающей стандартизации в духе хайдеггеровского «das Man»; о претворении в жизнь идеи Сен-Симона превратить мир в единую фабрику;⁶³ и наконец, о целесообразности замены всех людей на компьютеры в некоторых профессиональных областях уже сейчас⁶⁴ (кстати, юридическая практика входит в список).

Не иначе как апофеоз наивности могут восприниматься надежды О. Пёггелера на гармоничное сочетание искусства и техники, когда «человек смог бы научиться ставить пределы развитию техники – и научиться не желать делать все то, что технически возможно». ⁶⁵ Его учитель был избавлен от таких сентиментальных надежд, отчетливо понимая, что техника не оставляет бытийное устройство человека в неприкосновенности и что не человек кладет пределы технике, а она, сначала ограничивая возможности экзистенции, кладет предел философскому («поэтическому») существованию человека.

Приговором, особенно в контексте сегодняшнего дня, когда мы стоим перед четкой перспективой создания «интернета вещей», выступает «казус печатающей машинки». М. Хайдеггер без тени иронии утверждал, что «пишущая, а точнее, печатающая машинка вырывает письмо из бытийной сферы руки, то есть слова», она приводит к тому, что «рука человека утрачивает свое сущностное достоинство, причем человек как следует этого не осознает и не понимает, что здесь уже изменился характер отнесен-

---

⁶¹ Алексей Стомба, *Правовая ситуация как исток бытия права* (Харьков: ФОРС Лисьяк Л. С., 2006), 1.

⁶² Харарі, *Ното Deus*, 63.

⁶³ Пёггелер, *Новые пути*, 29, 41.

⁶⁴ Юваль Ной Харарі, *21 урок для 21 століття*, пер. Олександра Дем'янчука (Київ: Форс Україна, 2018), 42–3.

⁶⁵ Пёггелер, *Новые пути*, 440.

ности бытия к существованию человека». ⁶⁶ Через печатающую машинку техника врывается в сферу сущностной отличительной особенности человека, разрывая связь руки и слова, а значит – закрывая доступ в мир вещей, «лишая человека руки». ⁶⁷

Для права такой «печатной машинкой», лишаящей человека «рук», является, в частности, технология смарт-контрактов. Классический договор всегда допускает возможность его нарушения. Для мотивирования сторон договора вести себя честно сейчас используются юридические механизмы, судебная система, что требует больших трат времени, денег и решения не всегда справедливы. Технологической альтернативой операциональной и этической неэффективности права и служит смарт-контракт, при котором компьютерная программа сама исполняет все его условия. Никаких действий по исполнению договора от сторон не требуется. И поскольку одним из ключевых элементов обязательства выступает его направленность в будущее и последующие волевые действия (бездействия) обязанного лица по его исполнению, в случае исполнения соответствующих условий самим компьютером утрачивает значение и само понятие обязательства, *поскольку в смарт-контракте имеет значение прописанная программа, а не поведение должника* ⁶⁸ (выделено мной. – А. Т.).

Вот так и выглядит выход из платоновской пещеры – он в технологической невозможности нарушения договора, математической обеспеченности честности и справедливости, когда от человеческих действий уже ничего не зависит. Невозможность нарушить взятое тобой в интересах другого лица обязательство не делает тебя лучшим человеком. Такая невозможность прокладывает максимально быстрый и жесткий путь к обезчелочиванию. Автоматичность исполнения договора выхолащивает из права время и Событие. ⁶⁹ Причем самоисполняемость договора открывает возможность генерализации: если индивидуальная норма договора может стать технологически обязательной, почему такой не может быть общая норма закона? В этом смысле уже риторичным представляется вопрос Ю. Харари: «действительно ли мы хотим иметь систему, в которой решения политиков, способных ошибаться, станут такими же неумолимыми, как земное притяжение». ⁷⁰

⁶⁶ Хайдеггер, *Парменид*, 177–8, 187.

⁶⁷ Редкой точности и выразительности удалось добиться К. Свасьяну, который, характеризуя философию Канта, отметил: «он спас чистоту рук ценою потери самих рук» (Свасьян, *Становление европейской науки*, 416–7). То, что свершилось на уровне идей в кантовской философии, сейчас активно претворяется в действительность, переставая быть лишь умозрительным.

⁶⁸ Ирина Давидова, «Правочини і їх недійсність в інформаційному суспільстві» (дис. доктора наук, Національний університет «Одеська юридична академія», 2018), 150–1, 173.

⁶⁹ Поэтому в скором времени вряд ли останутся уместными слова А. Стовбы: «...правовое деяние есть то, которое направлено на нас в нашем бытии друг с другом, причем так, что мы сами в конкретном модусе нашего бытия оказываемся поставленными под вопрос... Так как я совершил нечто, *на то время*, которое отделяет меня от встречного действия того, на кого направлено мое действие, я как бы “зависаю” в своем статусе: сбудусь ли я покупателем – дадут ли мне товар за уплаченные деньги?..». Алексей Стовба, «Что есть право?» *Правоведение* 4 (2013): 183.

⁷⁰ Харари, *21 урок*, 91.

Спустя несколько тысячелетий метафизика скоро получит инструмент окончательного решения софистического вопроса и преодолет довлеющее над ней проклятие полисемии. Замена слова стационарным значением – вот что формирует качество нынешней эпохи.⁷¹ Математика притязает на именование неизменного, на концептуализацию нехватки, иными словами, на математическое решение проблемы Ничто.⁷² Метафизический проект завершается приведением жизни в соответствие со своими неизменными формулами.

В мире, где все определяется математикой; где обоснование перешло от человека к алгоритмам; где само существование человека подчинено задаче создания всеобъемлющей системы обработки данных, чтобы затем стать ее частью; в этом безмирном мире⁷³ нет места философии и праву.

М. Хайдеггер недвусмысленно подчеркивал: «самое пустое и одновременно всего меньше связанное с существом человека знание, математическое, не может стать мерилом для самого полного и обязывающего знания, какое можно помыслить: философского».⁷⁴ «Изначальная сущность времени принципиально чужда числу»,⁷⁵ а сама философия – это и есть то, что одно «время» никогда не сможет заимствовать из другого «времени», то, что никогда не захочет выступить с требованием смочь и быть в состоянии изъять из грядущих времен бремя и беспокойство радикального вопрошания.⁷⁶

Принадлежность права к одному с философией-софистикой истоку – собирающему раскрытию в слове смыслов отношения человека и вещи – обуславливает вывод о несовместимости технологической картины мира и права. Идеалом математики является катарсис – очищение от тела. В течение столетия технология последовательно и нарастающими темпами отстраняет нас от нашего тела. Это происходит потому, что сам человек перестает восприниматься из перспективы своего временного и конечного существования. Но другая перспектива – пронизанное религиозным экстазом стремление к вневременному, бесконечному, однозначному, эффективному, разумному

⁷¹ Технологическим решением проблемы полисемии может стать хэш – уникальный код, который меняется при смене даже одного символа в тексте, рассчитывается с помощью сложной математической формулы и всегда будет одинаковым для одной и той же информации. Следовательно, не может быть два разных хэша для абсолютной одинаковой информации. Давидова, «Правочини і їх недійсність», 149.

⁷² Бадью, *Манифест*, 61. М. Хайдеггер предвидел и это: «Различие, лежащее в основе всяких различий, и начало всякого различения, то есть различие бытия и сущего полностью упраздняется и при содействии человека из ничего не предугадывающего невнимания к тому, что, собственно, следует мыслить, превращается в нечто просто не принимаемое в расчет – не принимаемое в зловещем непродумывании, проистекающем из забвения» (Хайдеггер, *Парменид*, 327).

⁷³ «Лишь покуда есть Dasein, т. е. покуда оно экзистирует, имеется мир» (Хайдеггер, *Основные проблемы*, 393–4).

⁷⁴ Мартин Хайдеггер, «Основные понятия метафизики», в *Время и бытие*, ред. и пер. Владимира Библина (Москва: Республика, 1993), 340.

⁷⁵ Хайдеггер, *Парменид*, 305.

⁷⁶ Хайдеггер, *Феноменологические интерпретации*, 48–9.

и логичному – уготовила человеку однозначный выбор: либо стать быстро считающей машиной, либо погрязнуть в бремени собственной ненужности, исчезнуть из бытия как собственной истории, так и истории мира. Если бы право и могло само решать свою судьбу – в такой ситуации лучшим выбором было бы самоустраниться.

V. Vale!⁷⁷

Долгое время, как бы пребывая вдали от эпицентра истории мышления, право обнаруживает свой величественный статус лишь в ее конце. Оказывается, оно всегда было в центре. Изгнанная с вершин философии, софистическая мудрость много столетий укрывала с помощью права человеческое бытие в его исконном и естественном окружении – в окружении близких и собственных вещей, отношение к которым дарит как собственную личность, так и возможность равного, свободного общения с другими людьми. Философия должна признать эту заслугу права, тем более что хоть и возникли они в разное время и в разных местах – завершение у них общее.

Обильно цитируемый в этой статье М. Хайдеггер сформулировал вопрос – быть может, самый важный не только для его философии: «Что если не только человек забыло сущность бытия, но само бытие забыло человека и отпустило его в самозабвение?»⁷⁸

Искренне желая ошибиться, предположу, что правильными являются два позитивных ответа. Свидетельством забвения бытием человека может выступать его все нарастающая ненужность и неуместность. Принципиальным является то, что человек отрезает себя от философии, отрекаясь от права. Именно за отречение от права бытие карает человека забвением.

Из этого следует вопрос-диптих (ведь философия и право – это тоже диптих): 1. Возможно ли еще вопрошание о сути бытия, присвоение бытием человека? 2. Возможно ли еще вопрошание о сути права и построение человеческой жизни на правовом принципе отношения между человеком и вещью?

Общим выводом этой краткой и предварительной по своей сути работы выступают отрицательные ответы на эти вопросы. Мы пребываем в состоянии транзита в качественно новую реальность: забвение человеком бытия сменяется забвением бытием человека! Человек-Dasein, как тот, кто не может быть рассчитан и исчислен, становится для построенной на алгоритмах искусственного интеллекта технологической парадигмы операционально избыточным и ненужным. Для сохранения своей уместности, т. е. демонстрации возможности вмонтирования в технику, само существо человека должно претерпеть радикальную трансформацию: окончательное истончение телесности и сведение духовности к функции счета и обмена данными. Право не пере-

⁷⁷ С латинского часто переводится как «прощай». Н. Талеб придает ему значение «будь несокрушимым» и «будь достойным» (Нассим Николас Талеб, *Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости*, 2-е изд., доп. (Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019), 590). В контексте искомого нами смысла и эмоционального посыла все три значения являются уместными.

⁷⁸ Хайдеггер, *Парменид*, 356.

живет такую трансформацию и будет заменено техническими регламентами. На излете своего существования право демонстрирует неразрывную связь с человеческой экзистенцией, представляя «правовой четверицей»: симфонией воли, тела, слова и вещи. Поэтому если человек, как его мыслит неметафизическая философия, становится устаревшим, такая же участь постигает и право. Оно – сфера мирствования смертных, чья судьба свершается под знаком непредрешенности. Ему не найдется места в математическом рае рафинированного интеллекта.

В завершение приведу слова из той эпохи, когда увлекательная философско-правовая одиссея для европейского человека только начиналась. Если мы еще храним в себе причастность к истокам права и философии, они всегда будут уместны:

Если есть меж смертными счастье –
Оно за трудами;
Только богу под силу вложить его в единый лишь день.
От сужденного не уйти:
Разящий час непредвидимости
Нежданное подарит, а жданного не пошлет.⁷⁹

Vale!

© А. Ткаченко, 2019

Bibliography

- Badiou, Alain. *Manifest of Philosophy*. Translated by Vladimir Lapitskiy. Saint Petersburg: Machina, 2003 (in Russian).
- Beklenyshcheva, Ilona. *Civil Law Contract: Classical Tradition and Modern Tendencies*. Moscow: Statut, 2006 (in Russian).
- Berman, Harold. *Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition*. Boston: Harvard University Press, 1983.
- Bibihin, Vladimir. *Language of Philosophy*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2002 (in Russian).
- Cassin, Barbara. *Sophistry Effect*. Translated by L. Rossius. Moscow, Saint Petersburg: Moskovskiy filosofskiy fond; Universitetskaya kniga; Kulturnaya inziativa, 2000. <http://poisk-istini.com/literatura/effekt-sofistiki-barbara-kassen> (in Russian).
- Cherepachyn, Boris. “The Legal Nature and Rationale for Ownership Right Acquisition from Unauthorized Alienator.” In *Selected Works*, edited by Sergey Alekseev. Moscow: Statut, 2001 (in Russian).
- Davydova, Iryna. “The Deals and their Invalidity in the Information Society.” Doctor of Law diss., National University Odessa Law Academy, 2018 (in Ukrainian).

---

⁷⁹ Пиндар, *Эпипикии пифийские. Горгона. Мидасу акрагантскому, победителю на флейте*, <http://www.proza.ru/2011/10/03/848>.

- Faritov, Vyacheslav. "Transgression and Transcendence as a Perspective of Time and Being in Philosophy of M. Heidegger and F. Nietzsche." *Philosofskaya mysl* 8 (2014): 1–24. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=13371 (in Russian).
- Frank, Semen. *The Ownership and Socialism*. http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/framerightn.pl?type=ru&links=../ru/frank/works/frank_w1.txt&name=frank&img=brief.gif (in Russian).
- Fukidid. *From the Speech of the Pericles over the Graves of Warriors*. Translated by F. Myshchenko, S. Zhebelev. http://www.lib.ru/POEEAST/FUKIDID/fukidid1_1.txt (in Russian).
- Garcia Garrido, Manuel Jesus. *Roman Private Law: Incidents, Claims and Institutions*. Moscow: Statut, 2005 (in Russian).
- Gumbrecht, Hans Ulrich. *Production of Presence: What Meaning Cannot Convey*. Translated by S. Zenkin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006 (in Russian).
- Harari, Yuval Noah. *21 Lessons for 21 Century*. Translated by Oleksandr Demianchuk. Kyiv: Fors Ukraina, 2018 (in Ukrainian).
- Harari, Yuval Noah. *Homo Deus: A Brief History of Tomorrow*. Translated by Oleksandr Demianchuk. Kyiv: Book Chef, 2018 (in Ukrainian).
- Heidegger, Martin. "Basic Concepts of Metaphysic." In *The Time and Being*, edited and translated by Vladimir Bibihin, 327–44. Moscow: Respublika, 1993 (in Russian).
- Heidegger, Martin. "European Nihilism." In *The Time and Being*, edited and translated by Vladimir Bibihin, 63–176. Moscow: Respublika, 1993 (in Russian).
- Heidegger, Martin. "Thing." In *The Time and Being*, edited and translated by Vladimir Bibihin, 316–26. Moscow: Respublika, 1993 (in Russian).
- Heidegger, Martin. *Parmenides*. Translated by A. Schurbelev. Saint Petersburg: Vladimir Dal, 2009 (in Russian).
- Heidegger, Martin. *Phenomenological Interpretations of Aristotle. (Exposition of Hermeneutical Situation)*. Translated by N. Artemenko. Saint Petersburg: Humanitarnaya Academia, 2012 (in Russian).
- Heidegger, Martin. *Reflections II–IV (Black Notebooks 1931–1938)*. Translated by A. Hryhorev. Moscow: Institut Gaydara, 2016 (in Russian).
- Heidegger, Martin. *The Main Problems of Phenomenology*. Translated by A. Cherniakov. Saint Petersburg: VRFS, 2001 (in Russian).
- Latyev, Alexandr. "The Property Rights in Civil Law: Concept and Features of the Legal Regime." Candidate of Law diss., Ural State Law Academy, 2004 (in Russian).
- Legrand, Pierre. "Foreign Law: Understanding Understanding." *Journal of Comparative Law* 6, no. 2 (2011): 67–177.
- Lorenz, Dmitriy. "The Cession of Vindication Claim." *Sovremennoye pravo* 9 (2009): 70–4 (in Russian).
- Maksimov, Sergey. *Legal Reality: Experience of Philosophical Reflection*. Kharkov: Pravo, 2002 (in Russian).
- Pindar. *Pythian epinikia. Gorgon. For the Flute Winner Midas from Akragant*. <http://www.proza.ru/2011/10/03/848> (in Russian).

- Pöggeler, Otto. *New Ways with Heidegger*. Translation by A. Pettsev, O. Matveichev. Saint Petersburg: Vladimir Dal, 2019 (in Russian).
- Romano, Claude. *Adventure of Time*. Translated by Ruslan Loshakov. Moscow: RIPOL classic, 2017 (in Russian).
- Schimon, Svitlana. "Res Incorporales in Roman Private Law and Incorporal Thing Modern Vision." *Economika i pravo* (2012): 219–25 (in Ukrainian).
- Sklovsky, Konstantin. "About the Right to Property Alienation without Transfer of Possession." *Hoziaystvo i pravo* 8 (2003): 116–22 (in Russian).
- Sklovsky, Konstantin. "Political and Legal Aspects of Theory of Gift." *Politeia* 94, no. 3: 55–86 (in Russian).
- Sklovsky, Konstantin. *The Ownership in Civil Law*. Moscow: Delo, 1999 (in Russian).
- Slyshchenkov, Vladimir. *The Sale Contract and Transfer of Ownership Right: Comparative Law Study*. Moscow: Statut, 2011 (in Russian).
- Stovba, Alexey. "What is Law?" *Pravovedenie* 4 (2013): 178–86 (in Russian).
- Stovba, Alexey. *Legal Situation as the Source of Law Being*. Kharkov, 2006 (in Russian).
- Svasian, Karen. *The Formation of European Science*. Moscow: Evidentis, 2002 (in Russian).
- Taleb, Nassim Nicholas. *The Black Swan. The Impact of the Highly Improbable*. 2 ed. Translated by V. Sonkyn, A. Berdychevskiy, M. Kostyonova, V. Popov. Moscow: Co-Libri, Azbuka-Atticus, 2019 (in Russian).
- Trepysyn, Ivan. *The Acquisition of Ownership on Movables from Persons who are not Entitled to its Alienation*. Warsaw: Warsaw education district typography, 1907 (in Russian).
- Tsendrovskiy, Oleg. "Concept of Being (Seyn) in Philosophy of M. Heidegger and its Methodological Features." *Philosofskaya mysl* 9 (2016): 18–36. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19068 (in Russian).
- Zweigert, Konrad, and Hein Kötz. *Introduction to Comparative Law in the Sphere of Private Law*. Vol. 1. Translated by Yu. Yumashev. Moscow: Mezhdunarodnye otnoscheniya, 2000 (in Russian).

Александр Ткаченко. Прощание с правом и философией: некоторые предварительные экспликации

Аннотация. В статье современная конфигурация технологической цивилизации характеризуется как завершение проекта метафизики, которое приводит к полному исчерпанию возможностей философского и правового мышления.

Метафизика рассматривается как двойственный жест освоения мира: во-первых, как изобретение дихотомии идеального и материального, которая воплощается в рассмотрении сущности человека как противопоставления души и тела; во-вторых, как преодоление этой дихотомии путем избавления от телесного в пользу духовно-разумного. В этом качестве метафизика реализует идеал единого и непротиворечивого мира. Противоположный полюс мышления представлен софистикой, которая привязывает смысл к связанности слова и вещи в конкретной ситуации-событии. Софистический дискурс свое наиболее полное и последовательное воплощение нашел в праве, которое на протяжении всей своей истории обосновывало необходимость связи человека и вещи. Нарастающее давление технологий на сферу человеческого бытия закрывает возможности трансценденции как онтологического различения бытия и ничто. Связь человека и вещи окончательно разрывается. «Бытие-в-мире»

заменяется математическими алгоритмами. Право не может и не должно искать себе место в картине мира «разумной техники» – всегда оставаясь кровом человеческой экзистенции, забвение права становится следствием отречения человека от Бытия.

Ключевые слова: право собственности; онтологическое различие; метафизика; право-как-софистика; экзистенция; вещь; технический алгоритм; смарт-контракт; правовое сравнение; исчерпание права.

Олександр Ткаченко. Прощання з правом і філософією: деякі попередні експлікації

Анотація. Сучасна інтелектуальна ситуація характеризується вичерпанням можливостей людської екзистенції, її заміщенням технологічними алгоритмами. Найтісніший зв'язок права із сутністю людського існування обумовлює відповідне вичерпання можливостей права та його завершення як дискурсивної форми облаштування світу.

Проект європейської метафізики є протиставленням множинності світу речей і смислів слів єдності й універсальності нематеріального, що існує поза речами, – світу ідей. Дихотомія локалізується у самому естві людини: матеріальному відповідає тіло, ідеальному – душа. Наслідком такого протиставлення є прагнення метафізики елімінувати речове/матеріальне зі сфери смислів, заперечити його значимість для людського існування.

Неметафізична позиція відносно буття людини представлена софістичним (поетичним) принципом найтіснішого зв'язку людини з речами. При цьому відсутній механізм уніфікації і недопущення многозначності значень слів. Зв'язок конкретної людини з конкретною річчю завжди приховує можливість творення нового смислу. Усупереч маргіналізації софістики в межах загального філософського дискурсу софістичний (поетичний) принцип зв'язку людини і речі став основою права. Витоком останнього стало право власності – найтісніший зв'язок людини з річчю, який конститує особистість і простір вільної і рівної комунікації з іншими. Дійсний зміст і значення права власності може бути розкритий за допомогою концептів онтологічного розрізнення, буття-у-світі і привласнення буттям людини через привласнення речей і відкриття унікальної траєкторії особистісного проектування.

Сучасна технологічна картина світу є повною й остаточною реалізацією метафізичного проекту – заміщення дискурсу математичними алгоритмами. Людські дії вихолощуються як зі сфери зв'язку з речами, так і зі сфери відносин з людьми. Недоторканність власності і виконуваність договорів стають математично забезпеченими. Неможливість порушення права означає його зникнення. Світ перестає бути питанням людської турботи і ризику. Речі заміщуються предметами, й людині вготована доля стати одним з них.

Ключові слова: право власності; онтологічне розрізнення; метафизика; право-як-софистика; екзистенція; річ; технічний алгоритм; смарт-контракт; правове порівняння; вичерпання права.

Alexander Tkachenko. Farewell to Law and Philosophy: Some Preliminary Explications

Abstract. The modern intellectual situation is characterized by the exhaustion of the possibilities of human existence, and its replacement by technological algorithms. The closest connection of law with the essence of human existence causes the corresponding exhaustion of the possibilities of law and its completion as a discursive form of arrangement of the world.

The project of European metaphysics is contradiction between the plurality of the world of things and the meanings of words and the unity and universality of the intangible that exists outside of

things – the world of ideas. Dichotomy is localized in the essence of human: the material corresponds to the body, the ideal – the soul. A consequence of this opposition is to assert the metaphysic to eliminate material from the realm of meanings, to deny its significance for human existence.

The non-metaphysical position regarding human existence is represented by the sophisticated (poetic) principle of the closest connection of human to things. There is no mechanism for unification and preventing the ambiguity of word meanings. The connection of a particular person with a particular thing always hides the possibility of creating new meaning. Contrary to marginalization of sophistry within the limits of general philosophical discourse, the sophisticated (poetic) principle of connection between human and things became the basis of law. The origin of the latter was ownership right – the closest connection a person has with a thing that constitutes personality and the space of free and equal communication with others. The true meaning of ownership right can be revealed through the concepts of ontological distinction, being-in-the-world, and being appropriated by being human by appropriating things and opening a unique trajectory of personal design.

The modern technological picture of the world is a complete and final realization of the metaphysical project of replaces discourse with mathematical algorithms. Human actions are emanating from both the sphere of things and the relations with people. The integrity of the property and the enforceability of the contracts become mathematically secure. The inability to violate a right means its disappearance. The world is no longer a matter of human concern and risk. Things are replaced by objects, and man is destined to become one of them.

Keywords: ownership right; ontological distinction; metaphysics; law-as-sophistry; existence; thing; technical algorithm; smart contract; legal comparison; exhaustion of law.

Одержано / Received 15.09.2019